

Эрвин Давидович Гримм

**Тиберий и Гай Гракхи.
Их жизнь и общественная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Эрвин Гримм

**Тиберий и Гай Гракхи. Их жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Гримм Э. Д.

Тиберий и Гай Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность
/ Э. Д. Гримм — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Очерки социальной истории Рима до Гракхов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Э. Д. Гримм
Тиберий и Гай Гракхи
Их жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретами Гая и Тиберия
Гракхов и другими иллюстрациями

Гай Гракх

Глава I. Очерки социальной истории Рима до Гракхов

Говоря об античном мире, мы привыкли противопоставлять его последующим эпохам человеческой истории как нечто цельное, единое, однородное. А между тем такое представление о нем совершенно неправильно, и лишь произвольное сопоставление отдаленных друг от друга эпох, которые почему-либо объявляются типичными для более крупного промежутка времени, могло привести к этому недоразумению. Действительно, если сравнить хотя бы эпоху Перикла с XI – XII веками нашей эры, “классическим” средневековьем, или с нашей современной культурой – прежде всего нас поразят черты несходства между этими эпохами, однородный характер явлений в течение какой-нибудь одной из них.

Но если ближе присмотреться к древнему миру, мы заметим в нем весьма значительное разнообразие, различное течение истории отдельных входящих в его состав народов и, соответственно с этим, различие в народной жизни. Действительно, трудно представить себе более резкую противоположность хотя бы во внешних судьбах народов. Греция никогда не объединилась в одно целое, никогда не была в состоянии утвердить прочно свое владычество над соседними племенами, вся ушла в себя и погибла от постоянных междоусобных войн мелких городов и племен; Рим, напротив, стал во главе всего древнего мира, объединил его под свою власть и дал ему спокойствие и мир, подчинив себе в конце концов и своих просветителей, греков.

Но не только внешняя история греков и римлян содержит поразительные противоречия; то же самое мы должны сказать и о внутренней их истории.

Мы, разумеется, не станем здесь входить в подробное рассмотрение вопроса. Укажем лишь на наиболее важную для нас черту – на почти полное отсутствие аграрных законов в Греции, на их обилие и относительно раннее появление в Риме. Начиная с 487 г. до Р.Х. – с законов консула Спурия Кассия – вплоть до самого падения республиканского строя не прекращается ряд более или менее достоверных свидетельств римских историков о разнообразнейших попытках аграрных реформ. “Тогда, то есть в 487 году, – говорит Тит Ливий, – впервые был дан аграрный закон, обсуждение которого с того самого времени и до наших дней никогда не обходилось без величайших волнений”. И действительно, два факта наиболее ярко характеризуют внутреннюю, социальную историю Рима: во-первых, борьба патрициев и плебеев, и во-вторых – разрешение этой борьбы именно на почве аграрных, а не промышленных или торговых интересов. Центральным пунктом римской народной жизни всегда или по крайней мере очень долго являлся вопрос об обеспечении существования крестьянского сословия. Постановка вопроса менялась, но суть дела оставалась та же, шла ли борьба за право пользоваться государственными землями, или сохранение целостности крестьянского сословия, за его ограждение от злоупотреблений капитала, за его экономическую и политическую самостоятельность.

Апогея своего как по важности момента, так и по идеалистической страстности партии реформ и по возвышенности ее целей, борьба достигла в эпоху Гракхов. Судьба их стремлений – неведомо для них самих – предreshала судьбу всей Римской республики. Вопрос был поставлен ребром: республика или олигархия, и был решен в пользу последней, за которой уже явственно был вреден грозный призрак империи.

В чем же, однако, заключается причина этого резкого отличия римской истории от греческой?

Стараясь ответить на этот вопрос, мы прежде всего заметим, что жизнь обоих народов покоилась на совершенно противоположных основаниях, – на земледелии, с одной, на промышленности и торговле, с другой стороны. Это, разумеется, не значит, чтобы земледелие составляло исключительное занятие римлян и вовсе не существовало в Греции – римляне находились лишь в гораздо большей зависимости от его состояния, чем греки. Тогда как в Греции роль промышленности и торговли в народной жизни постоянно увеличивалась за счет земле-

делия, Рим никогда, ни во время республики, ни во время империи, ни в средние века, ни в новое время, не отличался мало-мальски крупным развитием свободной промышленности. В эпохи величия он жил за счет рабов и подданных; в эпохи падения, как и до завоевания “земного круга”, основой его существования было земледелие. Долгое время оно было единственным занятием всех римлян; впоследствии, когда аристократия занялась также торговлей, оно все же осталось единственным занятием *всего римского народа*. Вот почему вопрос об экономическом и социальном благосостоянии класса землевладельцев – и в частности, конечно, средних и мелких – в Риме имел совершенно исключительное значение. От положения этого класса зависела судьба всего государства. А между тем наряду с земледельческим трудом рано стал появляться капитал, и между ними возгорелась ожесточенная борьба. От ее решения зависел ни больше, ни меньше как весь дальнейший ход римской истории. Спрашивалось, сумеют ли мелкие помещики и крестьяне отстоять свою экономическую и социальную самостоятельность – основание политического значения каждого сословия – от поползновений капитала, или нет? Придется ли им вести борьбу с последним исключительно собственными силами или при помощи государства? Сохранятся ли их мелкие участки или они исчезнут перед латифундиями и плантациями богачей?

Вот суть всей аграрной борьбы III и II веков до Р.Х. Биржа и крестьянство рядом не могли и не могут ужиться. Спрашивалось, кто победит: земледельческий труд или торговая спекуляция. И оказалось, что без государственного вмешательства побеждает последняя.

Вернемся, однако, к вопросу о причинах этого коренного различия Греции и Рима. Ведь нельзя сказать, чтобы оно всегда было налицо. Исходная точка истории обоих народов та же: земледелие, в соединении, с одной стороны – со скотоводством, с другой – с домашней промышленностью, – домашней, так как она имеет в виду лишь ближайшие и по месту, и по времени потребности, не думая о сбыте посредством торговли. То есть труд и здесь, и там еще не дифференцировался, и нельзя было предсказать, в каком направлении произойдет его дифференциация.

Тем не менее, судьба его была различна. Основная причина этого явления заключается, кажется, в географическом положении и характере тех стран, в которых поселились греки и римляне. Отличаясь благодаря особенностям своих морей и берегов большей доступностью, чем замкнутый Лациум с его единственным водным путем Тибром, Греция рано подчинилась влиянию финикийян. Им в значительной степени она обязана не только своим религиозным, но и экономическим, и особенно торгово-промышленным развитием. Благодаря им эти области труда стали быстро развиваться, тем более, что одно земледелие не могло уже удовлетворить нужды возрастающего населения. Результатом и, в свою очередь, причиной этого роста населения были, с одной стороны, колонизация, с другой – успехи промышленности и торговли. В Афинах Солон спокойно мог заниматься торговлей, не поплатившись за это своим общественным положением.

Развитие Рима пошло по совершенно иным путям, и, как мы уже заметили, это было вполне естественным последствием его географического положения. Земледелие осталось экономической основой римской жизни. Торговля, по преимуществу меновая, отличалась местным, латинским характером, ограничивалась обменом производимого Лациумом сырья на продукты чужой промышленности, преимущественно этрурской, а также и греческой. В самом Риме промышленность существовала лишь в виде производства предметов первой необходимости. Правда, в силу своего географического положения у устья Тибра и благодаря успешной политике своих царей Рим был торговым центром Лациума, но много ли это значит при таких условиях?

Промышленный класс не был ни особенно многочислен, ни особенно богат, и, ввиду вышеизложенного, это вполне понятно. Разительным доказательством его незначительности было его политическое бессилие. Если бы промышленность и торговля занимали более видное

место в жизни народа, их представители неминуемо должны бы были обладать соответствующим политическим влиянием. Ведь сумели же богатые ремесленники средневековых городов приобрести такое влияние и принудить остальные городские классы признать его. Не так было в Риме: здесь они имели едва одну тридцатую часть голосов народного собрания.

Но, по крайней мере, в это раннее время римской истории такого рода труд еще не считался позорным, недостойным свободного человека и гражданина: древние песни римского народа еще воспевали оружейника Мамурия, а праздник бога Вулкана принадлежал к древнейшим празднествам Рима.

Откуда же это позднейшее презрение? В значительной степени виновата в нем политическо-военная реформа, известная под названием Сервианской и приписываемая предпоследнему римскому царю Сервию Туллию, царствовавшему, по преданию, с 672 по 616 год.

В основании этой реформы, как известно, лежало деление римского народа на пять классов, сообразно с состоянием граждан, причем более богатые носили больше (преимущественно военных) тягостей, но зато и пользовались большими правами. Так, один первый класс, состоявший из лиц, собственность которых оценивалась в 100 тыс. ассов и выше, вместе с всадниками, имел больше голосов, чем все остальные классы, вместе взятые.

Важно при этом было то обстоятельство, что при оценке собственности первоначально принималась во внимание только поземельная собственность. Эти 100 тыс. ассов соответствовали участку в 20 югеров (около 5 десятин). Итак, кто не обладал земельной собственностью, то есть не был или помещиком, или крестьянином, тот не был и гражданином, не участвовал ни в войне, ни в народных собраниях, каким бы движимым имуществом он ни обладал.

Если, с одной стороны, как уже сказано выше, эти постановления доказывают, как мало значителен и влиятелен был торгово-промышленный класс в Риме, то этим невольным свидетельством далеко не исчерпывается значение закона. Гораздо важнее его влияние на дальнейшую судьбу этих отраслей труда. Неудивительно, что и впредь все разбогатевшие ремесленники и торговцы, вся лучшая часть их, стремились приобрести хотя бы незначительный участок земли и тем самым попасть в разряд полноправных граждан, предоставляя более бедным продолжать эти занятия. Таким образом, никогда не могло образоваться наряду со свободными земледельцами сословие свободных же ремесленников и купцов, и этим-то отчасти и объясняется то презрительное отношение к этим отраслям труда, которое мы наблюдаем еще во времена Цицерона и Ливия.

Итак, основой государственной жизни древнего Рима, основой для определения прав и обязанностей его граждан, была земельная собственность. Понятно поэтому, как опасно должно было быть всякое потрясение экономического благосостояния земледельческого класса. Он составляет центр тяжести государства: исчезнет он – и основы государства разрушены, разрушены непоправимо, ибо рядом с крестьянами нет ничего, что бы заслуживало название “народ”.

Каково же было положение этого народа? Откуда прежде всего произошел, как сложился этот народ?

Рим первоначально представлял “огороженное место”, укрепление соседних полунезависимых друг от друга родов. Каждый род занимал известную территорию и состоял из двух элементов: из родоначальника с той частью рода, которая еще сохранила воспоминание о своем происхождении от общего предка, с одной стороны, и из “не помнящих родства”, а также покоренных, военнопленных и “гостей” – с другой. Первые – это патриции, вторые – это клиенты, находящиеся под непосредственным надзором и властью родоначальника. Политическими правами обладали лишь патриции, и главным образом их представитель в союзном собрании – сенате.

Благодаря каким обстоятельствам во главе союза родов встал царь, – был ли он выборным вождем и полководцем союза, или чем иным – этого мы не знаем, да это и совершенно неважно.

Факт тот, что над собранием полунезависимых родоначальников очутился царь. Какие обстоятельства затем дали ему возможность выдвинуться настолько, чтоб из первого между равными сделаться собственно государем, – мы опять не знаем. Несомненно лишь то, что царская власть быстро и значительно усилилась и вскоре получила даже возможность бороться с аристократией родоначальников.

И во внешних делах цари были удачливы: римское государство быстро увеличивалось и по объему территории, и по количеству населения. Результатом успешной войны в те времена было воссоединение покоренного народа с победителями. Аристократические роды присоединялись к римской аристократии, народ становился под клиентелу представителя Рима, царя. В той же клиентеле находились и приезжие торговцы, промышленники и так далее, не обладавшие правом римского гражданства, а следовательно, не находившиеся и под его защитой. Чужеземец был бесправен: то, что считалось бы преступлением, будь оно совершено над гражданином, не было таковым относительно него. Если он желал оградить свою жизнь и свое имущество, то должен был стать под покровительство какого-нибудь римского гражданина. Естественно, что, раз необходимо заручиться покровительством, все будут стремиться встать под покровительство возможно более значительного и влиятельного лица, то есть в данном случае – царя.

Таким образом, рядом с аристократией и ее клиентелой стоял царь со своей, все более и более возрастающей. Из соединения этих-то вот царских и родовых клиентов и возник римский плебс.

Но когда же клиенты превратились в плебс?

Случилось это не сразу: прежде всего Сервиева военно-политическая реформа, как уже сказано, положила в основу государственных прав и обязанностей не происхождение, а земельную собственность, и, таким образом, разбогатевший плебей, приобретший участок земли соответственной величины, пользовался теми же правами, исполнял те же обязанности, носил то же оружие и так же мог сделаться офицером, как и гордый своим происхождением от Фабиев или Валериев патриций. С точки зрения государства они таким образом были почти равны, что вовсе не исключало их частной подчиненности патрону. Очевидно, это был огромный шаг вперед.

Вторым шагом – не менее важным – было падение царской власти и освобождение царских клиентов от своей зависимости от царя-патрона. Теперь рядом с властвующей аристократией патрициев и ее клиентами появился многочисленный класс полуграждан, стоявших над клиентами, ввиду своей гражданской независимости от патрициев, но ниже патрициев, ввиду исключительного права последних на магистратуры и сенат, то есть на государственное управление.

Если в политическом отношении плебеи таким образом не отличались существенно от клиентов, то тем важнее была их гражданская независимость, и неудивительно, что они скоро стали действовать на клиентов, как сильный магнит, собирающий около себя разрозненные частицы металла. Естественно, что клиенты всеми силами старались выбиться из-под власти патрициев и, находя опору в плебеях, через сравнительно недолгое время действительно освободились от них. Итак, клиенты царя и клиенты аристократических родов слились в одно целое и образовали плебс, народ с одними нуждами и интересами, стремлениями и целями.

Но чем выгодней с этой точки зрения было падение Тарквиниев для политического развития плебса, тем пагубней была обратная сторона медали, – влияние этого события на экономическую жизнь народа. Дело в том, что царский патронат в этом отношении имел свои очень хорошие стороны, открывая плебеям доступ к пользованию государственными землями. Побеждая какой-нибудь народ, римляне обыкновенно наказывали его потерей некоторой части его территории, и эти земли либо немедленно разделялись между римлянами, либо – и это случалось гораздо чаще – присоединялись к “государственным”, пользование которыми предо-

ставлялось всем полноправным гражданам за подать в виде известной части плодов и платы за право выгона скота. В царский период, несмотря на все легальные привилегии патрициев, на деле этими землями могли пользоваться и плебеи в качестве клиентов царя, от которого в значительной степени зависело дать им землю или нет. А между тем, это право было весьма существенно, особенно для скотоводства: без права пользования государственными лугами для выгонов невозможно было прокормить скот на тех незначительных участках, которыми владело большинство населения.

Понятно поэтому, как чувствительна для плебеев должна была быть победа патрициев, не замедливших, как только миновала первая опасность реставрации Тарквиниев или чужеземного владычества, вернуть себе все преимущества, потерянные в продолжение царского периода, и увеличить без того уже немалую пропасть между собою и народом. Последний лишился права пользоваться государственными землями, чем и был поставлен в очень тяжелое экономическое положение. В этом вместе с тем заключалась причина борьбы, характеризующей первое время республики, – причина частых аграрных законов. Аграрные законы первого периода были направлены не на борьбу с капиталом, как позднее, а на борьбу с перенесением политических преимуществ на экономическую почву.

Народ вообще редко интересуется собственно политическими вопросами, формой правления и так далее, лишь бы были удовлетворены его экономические потребности. Так же точно и римский народ не столько интересовался вопросом о своей политической равноправности, сколько обеспечением своей жизни, защитой ее от ростовщиков, от судебных несправедливостей и так далее, одним словом, – улучшением материальной стороны своей жизни.

А в этом отношении он, и помимо только что указанного обстоятельства, имел полное право быть недовольным своим положением. Постоянные пограничные войны, не прекращавшиеся весь V век до Р.Х., отрывали его от работы, не давая никакого вознаграждения ни в виде жалования, ни в виде более значительной добычи. А когда около 400 года было установлено жалование для войска, то с этим соединилось значительное увеличение, а может быть, и учреждение нового налога, который хотя и считался своего рода подлежащим возврату принудительным займом, тем не менее лег тяжелым бременем на народное хозяйство.

Притом на войне римляне отнюдь не всегда были победителями. Падение царей и в этом отношении на некоторое время отбросило их назад: с одной стороны – соседи-враги, – этруски, сабины, вольски и прочие, – продолжали свои опустошительные набеги, приводившие их к самым стенам Рима, а с другой стороны, и союзники, или, вернее, подданные, – латины – освободились от римского владычества и заставили римлян довольствоваться вместо господства союзом на равных правах. Вся история Рима в V веке до Р.Х. наполнена постоянно повторяющимися повествованиями об этих пограничных войнах, потрясавших народное хозяйство.

Но этого мало. Ввиду невозможности снабдить младших сыновей землю посредством захвата и обработки государственных земель, приходилось дробить и без того небольшие наделы и таким образом наносить хозяйству новые удары. Наконец, дороговизна денег, выражавшаяся в огромных процентах, при суровой системе личной ответственности несостоятельных должников пускала по миру земледельца, если ему приходилось залезть в долги.

Патриции от всего этого страдали гораздо меньше. Уходя на войну, они оставляли на полях своих рабов, еще не особенно многочисленных, но вполне способных удовлетворить нуждам небольшого хозяйства тех времен; в случае необходимости они всегда могли занять государственные земли; наконец, в силу своих более значительных средств, они находились в меньшей зависимости от капиталистов и скорее были способны превратиться в таковых, чем народ.

Вот интимная подкладка той борьбы патрициев и плебеев, внешними проявлениями которой служат как само учреждение трибуната, так и постоянные столкновения трибунов с

патрициями вообще, с консулами в частности, а также и разного рода законы, постепенно увеличивавшие права плебса за счет привилегий патрициев.

Между тем как патриции ревниво охраняли свою монополию на пользование государственными землями, последние быстро стали увеличиваться в IV веке до Р.Х. Начиная с взятия Веи (396), можно сказать, что земли эти росли не по дням, а по часам.

Когда именно плебеи приобрели право пользоваться ими, мы не знаем, но несомненно, что к тому времени из завоеванных и захваченных патрициями земель уже сложились весьма значительные поместья аристократии. То же самое продолжалось и теперь. И теперь, для того чтобы воспользоваться новым правом занять и обрабатывать более значительный участок государственной земли, необходим был капитал, а капиталом обладали лишь немногие. Между тем как крестьянин-бедняк поневоле ограничивался таким участком земли, который он мог обработать сам при помощи семьи, богатый обрабатывал посредством рабов значительные пространства, если не предпочитал употреблять их для скотоводства в крупнейших размерах.

На почве этого затруднения скоро выяснилось, что плебс отнюдь не представляет однородной массы с одинаковыми интересами и стремлениями. И среди плебеев со временем наряду с трудящейся массой образовался класс зажиточных и даже богатых семейств, гордых не только материальным благосостоянием, но и происхождением от плебейских магистратов, эдилов и особенно трибунов. Эта плебейская аристократия Секстиев, Лициниев, Марциев, конечно, прежде всего и воспользовалась добытым правом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.